

21 ноября исполнилось 70 лет со дня рождения Александра Казанцева. В эти дни прошло несколько мероприятий, посвящённых памяти этого поэта, самые крупные – в Томской областной библиотеке имени Пушкина и в библиотеке «Сибирская». Вспоминали человека, его стихи и дела. Александр Иннокентьевич Казанцев родился в городе Зырянске Восточно-Казахстанской области в семье геологов.

Он был поэт, прозаик и драматург, главный редактор альманаха «Сибирские Афины», член Союза писателей СССР с 1984 года, лауреат премии Томского комсомола (1981), лауреат премии им. П. И. Макушина (2003).

Писать начал довольно рано: первые стихи были опубликованы в городской газете Зырянска «Заря Востока». Первая журнальная публикация – в казахстанском республиканском журнале «Простор» в 1970 году. В 1975 году Александр Казанцев окончил химико-технологический факультет Томского политехнического института, работал старшим инженером на кафедре радиационной химии ТПИ (1975–1980). Первая книга стихов «Стиранные вьюгами поля» (1978, Москва), произведения переведены на казахский и польский языки.

Александр Казанцев автор более полутора десятков книг стихов и прозы для взрослых и детей и трёх пьес. Они ставились в Томске, Новгороде, Пскове. В 1980 году Казанцев стал руководителем областного литобъединения «Томь» при редакции областной газеты «Молодой ленинец», затем ответственным секретарём Томской писательской организации (1987–1996). Был создателем и руководителем литературного фонда имени Марии Халфиной (1996–2000). Соредактор литературного альманаха «Томская старина» (1991–1993), один из основателей и редактор литературного альманаха «Сибирские Афины» (1993–2007).

Александр Иннокентьевич руководил литературной студией средней школы № 14 Томска, вёл литературное объединение «Молодые голоса» при ТПУ, организовал конкурс молодых поэтов имени Михаила Орлова. По его инициативе в Томске проводились семинары молодых писателей, он входил в состав редколлегии красноярского журнала «День и ночь», член редколлегии журнала «Сибирские огни» (с 1999). Член правления Союза писателей СССР (1990). Секретарь правления Союза писателей России (1995). Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Александр Казанцев умер, покончив с собой, 13 апреля 2007 года в Томске. Посмертно был издан его «Дневник сумасшедшего года» (2007). В 2009 вышел сборник «История любви».

Дон Кихот с усмешкой конокрада.
Хитрый ангел. Простодушный бес.
Сам себе и мўка, и награда.
Сам себе и Пушкин,
и Дантес.

Леонид Шелудько

Александр КАЗАНЦЕВ

Стихи

ОТЕЦ И СЫН

Сын гостем приехал в деревню с женой.
Вот радость! Но батьку задело:
Все дети при деле, а этот, блажной,
Признал писанину за дело...
Книжонку сыновью в руках повертел
И хмыкнул презрительно носом:
«Негусто, однако!.. – потом покряхтел. –
Прочту, как управлюсь с покосом...».
С покоса вернулись в трухе и в поту –
Да в баньку – друг друга попарить.
И вспомнил родитель: «Книжонку прочту –
Вот крышу бы надо поправить...»
Всю крышу покрыли железным листом
На зависть родне и соседям.
И вспомнил родитель: «Книжонку – потом...
С утра за дровами поедем».
А вот уж и срок расставанья настал –
Последняя ночь золотая.
Старик до рассвета книжонку листал,
От корки до корки читая.
Дымил самосадам и крикал отец:
«И где же он так наострился?!
Однако и верно, при деле стервец!
Гляди-ка, в меня уродился!..».

Когда я стану старым,
 Если таким я стану –
 Буду свистульки из глины
 Лепить дворовым мальчишкам.
 Конечно, тогда в магазинах
 Будет полно хитроумных
 Разнообразных свистуллек.
 Верно. Но мне от мальчишек,
 Знаю, не будет отбоя,
 Ибо мои свистульки
 Будут совсем простые.
 Да, из обычной глины,
 Той, что зовём землёю.
 Да, вот из этой глины,
 Которую топчем ногами,
 Выросли из которой
 Пустырник, полынь, ромашка...
 И разнесут по свету
 Мальчишки
 Мои свистульки!
 Чуть поднесут к губам их –
 И оживут в том свисте
 Все пустыри, овраги,
 Все крутояры детства,
 Где очень много ветра,
 Где очень много солнца,
 Где тянутся к этому солнцу
 Пустырник, полынь, ромашка...
 Только бы мне научиться
 Делать такие свистульки!

ПОГОДКИ

В небе след стремительный увидя,
 Белый, хлопьевой, как простокваша:
 – Арективный! – восклицает Митя.
 – Реактивный, – поправляет Маша.
 Меж деревьев тоненькие нити –
 Паука затейливая пряжа.
 – Он кусачий! – испугался Митя.
 – Это враки! – ободряет Маша.

Солнце раскаляется в зените,
А кукушки отдыха не знают.
– Что считают? – озадачен Митя.
– Наши годы, – Маша объясняет.
И мечтают: «Что там будет дальше?..» –
Под сосной разлапистою сидя.
– Выйду замуж... – признаётся Маша.
– Ну и дура! – заявляет Митя.

* * *

Всё опасней, всё круче наклонные плоскости,
Всё шатучей мостки, всё безумнее мгла...
Я люблю, я люблю эту женщину, Господи,
Сделай так, чтоб всегда она рядом была!
Рухнул веры настил,
и судьба чёрным вихрем заверчена,
Достаёт нас вражда языками огня...
Понимаешь, Господь, мне нужна,
мне нужна эта женщина,
Если есть ты, Господь,
то её сохрани для меня.
Был я буен и груб, а теперь –
воплощение кротости,
Жаден был до удач, а теперь я и малому рад...
Я искал, я искал
и нашёл эту женщину, Господи,
Сделай так, чтоб она
не пополнила список утрат.
В небе молнии след –
как большая, ветвистая трещина,
Но вернуться должны синева и покой к небесам...
Сделай, Господи, так,
чтоб счастливой была эта женщина.
Нет, не делай, я сам...
Остальное я, Господи, сам!..

* * *

Изба, построенная мной,
Упёрлась прочно в шар земной,
Меня переживая.
Светло подумать мне: «А вдруг,
Когда в неё войдёт мой внук,
Дверь ахнет, как живая?»

И он, не ведая меня,
Помыслит, голову склоня:
«Был дед мужик что надо!».
И вся недобрая молва
Для внука будет – трын-трава...
Мне большего не надо.

Вот разве чтобы, выждав срок,
Пробилась к внуку пара строк –
Из тех, что вышли ладно.
Чтоб внук подумал: «Помер дед,
А на земле оставил след...».
Мне большего не надо».

УЧЕНИКАМ

Здравствуй, Будущее! Здравствуй и прости,
Если что-то не донёс тебе в горсти.

Ты расти и, все помехи не кляня,
Будь удачливей, и выше будь меня.

Будет будущего зоренька светла,
Если в прошлом настоящинка была.

* * *

Наверное, скоро
 придёт весна.
Наверное, скоро.
А пока:
Снег,
Тишина,
В небе луна –
Круг мороженого молока.

* * *

Такое времечко: порой хоть вешайся
От жуткой нови.
На честном слове Россия держится,
На честном слове.
Вразброс и оптом торгуют Родиной
Дельцы известные.

Одно лишь слово у нас не продано,
Лишь слово честное.
Мы слову преданы
и, значит, выстоим,
Без хода крестного
И древо веры из слова вырастим,
Из слова честного.
Мы волонтёры его, приверженцы,
С родством по крови.
На честном слове Россия держится,
На честном слове.

* * *

Запишу неразборчивой вязью
И без менторской вовсе нуды,
Что бывает земля моя грязью,
Если много в ней слишком воды.
Лишь себе, не кому-то в угоду,
За стихи, первым делом, боясь,
Выжми воду, излишнюю воду,
Чтоб земля в них была, а не грязь.

КРЕДО

Глаголом жечь сердца людей
Мне жалко –
сам насквозь калёный,
При том почти всегда влюблённый,
Лишь в этом целеустремлённый,
Не проповедую идей,
Опричь одной:
«Любовь превыше
Иных богатств, иных затей!».
Я люб такой тебе?
Прими же!

* * *

Если б жил я в 30-е годы, –
Гениально догадка проста, –
Я б надолго лишился свободы,
А скорей – навсегда – живота.
Мне гораздо страшнее другое, –

За сомненья, внучок мой, прости! –
Вдруг бы славил тот мрак,
хоть строкою,
Лишь бы драную шкуру спасти!..

* * *

Страшно жить.
А жить хочу – страшно.
А ещё страшней – как жить внуку.
Зряшно ныне унывать.
Может, всё зряшно...
– Ну-ка, внук мой Серафим, дай мне руку!
Мы пойдём, пойдём с тобой
мимо торжищ и стрельбищ,
Мимо лжилиц
под крестами и флагами,
мимо... Поддержи деда, внук: если ты сдрейфишь,
Не пройдем мимо места,
где тикает мина.
Мимо игрищ и гульбищ,
мимо всех лежбищ,
Пропастей без дна и таких же хлябей...
Ничего, Серафим, нам вдвоём легче.
Влево, вправо – ни-ни,
лишь вперёд глядя.
Ну а что впереди? Впереди – речка.
Некрутой бережок,
где песок, галька.
Будем «блинчики печь» –
не нужна печка:
Скачет галька-то как
по воде, глядь-ка!
Как Христос, по воде провела следочки.
Ну-ка, внук Серафим, отбивай ладоши!
Многоточие будет, не будет точки...
Ну а дальше иди,
сам иди, хороший.

* * *

Ты приносила бельё с мороза.
Как оно пахло, хрустело как!
Мне ты казалась ещё моложе
С хрупкой охапкой белья в руках.

Песня метели врывалась в двери,
Ночь за порогом темным-темна.
И замирал я, глазам не веря:
Эта девчонка – моя жена!

МОЛИТВА ОКАЯННАЯ

За то, что желал большего,
Чем снёс бы, судьбу дразня,
Не милуй меня, Боже,
Не милуй меня.
За то, что мне страсть дороже
Рассудка и злобы дня,
Не милуй меня, Боже,
Не милуй меня.
За то, что познал, быть может,
Я весь алфавит огня,
Не милуй меня, Боже,
Не милуй меня!

* * *

Люблю я всё глубже и кротче
Прозрачные дни сентября,
Когда обнажаются рощи,
Стыдливым румянцем горя.
Не знаю, что станет со мною
В дне завтрашнем, смутном пока.
Но знаю – вовек не заную,
Что жизнь холодна и горька.
Приму я лишенья спокойно,
Во всём никого не коря,
Как рощи приемлют достойно
Внезапный разор сентября.
Не стану стенать, суетиться,
Ведь сам я всем бедам виной.
И вряд ли смогу возродиться,
Как рощи бодрящей весной.